

УДК 342.41
DOI 10.21685/2307-9525-2021-9-2-7

Г. Б. Романовский

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация

ПРАВО, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ¹

Аннотация. В статье анализируются основные глобальные угрозы, способные нанести ущерб современным гуманитарным принципам человеческого общежития. Среди них: коммуникативные технологии, биомедицина, терроризм. Наибольшую обеспокоенность вызывает происходящее пересечение проблематики, в результате чего уровень угрозы только усиливается. В статье уделяется внимание биотерроризму, а также понятию биозащищенности, как формы противодействия возможным нападениям со стороны террористических организаций. Показан зарубежный опыт определения биологической безопасности. Выделены общие особенности кибертерроризма. Представлен позитивный опыт объединения усилий правоохранительных органов и институтов гражданского общества, выразившийся в создании целевой группы по программам-вымогателям, созданной на базе Института безопасности и технологий. Получив полномасштабное развитие, каждая из приведенных угроз оказывает серьезное воздействие на содержание основных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: угроза, глобализм, кибертерроризм, биотерроризм, биомедицина, коммуникативные технологии, искусственный интеллект.

G. B. Romanovsky

Penza State University, Penza, the Russian Federation

LAW, SOCIETY, STATE IN THE ERA OF DEVELOPMENT OF GLOBAL THREATS

Abstract. The article analyses the main global threats that can damage the modern humanitarian principles of human community. Among them: communication technologies, biomedicine, terrorism. The greatest concern is caused by the ongoing intersection of issues, as a result of which the level of threat only increases. The article focuses on bioterrorism, as well as the concept of biosecurity as a form of countering possible attacks by terrorist organizations. Shows foreign experience in determining biological safety. The general features of cyber terrorism are highlighted. A positive experience of combining the efforts of law enforcement agencies and civil society institutions is presented, expressed in the creation of a target group for ransomware programs, created based on the Institute of Security and Technology. Having received full-scale development, each of the above threats has a serious impact on the content of fundamental human and civil rights and freedoms.

Key words: threat, globalism, cyber terrorism, bioterrorism, biomedicine, communication technologies, artificial intelligence.

2020 г. ознаменовался не только коронавирусной инфекцией, прошедшей по всему миру и приковавшей к себе внимание со стороны институтов гражданского общества, средств массовой информации, органов власти и управления. В результате масштабности пандемии и числа человеческих жертв несколько в тень ушло событие начала этого года – объявление Президентом России В. В. Путиным начала

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00096.

конституционной реформы. Предложения, стоит напомнить, коснулись большого числа положений. Внесены изменения и дополнения в статусные нормы, посвященные главе государства, парламенту, правительству России, уточнены некоторые моменты социальной помощи, введен принцип солидарности и многое другое.

Однако предложенные поправки касались, в большей мере, общественно-политических институтов. Это объяснимо, поскольку страна вступает в новый политический период. В 2021 г. будут происходить выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания России. Избранный состав будет реализовывать полномочия парламентариев в период выборов Президента Российской Федерации, которые состоятся в 2024 г. Одно событие «цепляет» другое. Это актуализирует внимание именно к политическим процессам, что можно наблюдать по «повышению градуса» уличных протестов, вниманию в средствах массовой информации, обострению дискуссии по поводу видения места современной элиты в жизни российского общества.

Несмотря на складывающуюся ситуацию, следует обратить внимание на несколько иной аспект развития общества, который содержит в себе колоссальные риски и угрозы. Сейчас мы можем наблюдать постепенную смену парадигмы человечества, обусловленную изменением природы *Homo sapiens*. Мы сейчас переживаем переход к новой формации, в рамках которой происходит последовательное изменение гуманитарных правил общежития. Изменение общественно-политического устройства – повестка текущего момента, изменение гуманитарных принципов – вопрос стратегического видения, который все больше проявляется в мировых масштабах.

Обозначим основные глобальные угрозы, которые касаются не только нашей страны. Они носят универсальный характер. Формирующиеся преобразования имеют глобальную этическую оценку, что в конечном итоге оказывает влияние на результат. Отвлеченность Российской Федерации от проводимой дискуссии может дорого стоить: мы можем получить уже «готовый продукт» (как в техническом, так и в этическом плане), который нам придется уже включать в свою повседневную жизнь, без оглядки на свои национальные особенности.

Необходимо глубоко осмыслить три ключевые проблемы: принципы коммуникаций (в самом широком смысле этого слова, включая использование искусственного интеллекта, как посредника внутри общения людей), биомедицина, терроризм.

Вызывает озабоченность происходящее пересечение проблематики, в результате чего уровень угрозы только усиливается. Так, мы можем наблюдать такое явление, как биотерроризм. Примеры этому уже известны (напомним о рассылке «белого порошка» должностным лицам органов власти США, в результате которой 22 человека пострадали, пятеро погибли). Коронавирусная инфекция также привела к масштабным реформам в процессе обеспечения биологической безопасности. Одним из результатов в нашей стране стало принятие Федерального закона от 30 декабря 2020 г. №492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации».

В научной литературе специально выделяется термин «биозащищенность», в зарубежной доктрине – «biosafety». Под ней следует понимать «исключение преднамеренного или непреднамеренного опасного воздействия на людей, животных и растения со стороны научно-исследовательских работ и особо опасных патогенов, а также предотвращение использования во зло достижений современных биотехнологий – в первую очередь геномной инженерии и синтетической биологии, а также генетически модифицированных организмов» [1, с. 18]. В зарубежной литературе биозащищенность ассоциируется, в большей мере, с такими понятиями, как биологическая война, биологическое оружие или биотерроризм, считаясь термином военного или чрезвычайного реагирования. В то же время биозащита все активнее используется в деятельности гражданских лиц и организаций (связано с защитой

источников воды, продуктов питания и всего остального, что может быть загрязнено биологическими агентами)².

Биобезопасность широко трактуется в зарубежных документах, особенно в расстановке приоритетов. Например, при инаугурации президента США Б. Обамы на сайте Белого дома были определены общие направления деятельности в этой сфере:

- предотвращение биотеррористических атак: усиление сбора разведывательной информации США за рубежом для выявления и пресечения потенциальных биотеррористов до того, как они нанесут удар;

- создание национального потенциала (наличие информации, выстраивание связей между участниками профилактического контроля, постоянные тренировки по блокированию угроз);

- разработка новых лекарств, вакцин, модернизация производственных мощностей;

- содействие международным усилиям по разработке новых диагностических средств, вакцин и лекарств, которые будут доступны (в том числе по цене) во всех уголках мира³.

Столь же широкий подход характерен для Новой Зеландии, принявшей первый Закон о биобезопасности в 1993 году (Biosecurity Act, 1993)⁴, и Австралии, где принят специальный Закон о биобезопасности (Biosecurity Act, 2015)⁵.

Биологическая безопасность является предметом внимания международных органов. Принята универсальная Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (одобрена резолюцией 2826 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1971 г.). Российская Федерация является ее участником. Основная задача Конвенции заключается в полном запрете биологического оружия, его накопления, использования.

История знает немало примеров, когда возбудители инфекционных заболеваний использовались для атаки на противника. Древние рукописи упоминают «военные хитрости» по забросу в осажденные крепости трупов животных, умерших от заразных болезней. Американские колонисты раздавали одежду умерших от оспы коренному населению Америки (однако нет достоверных данных, что именно эта деятельность привела к губительным последствиям, а не простые контакты двух этносов) [2]. В период Второй мировой войны японские милитаристы пытались использовать бомбы, начиненные блохами, зараженными чумой, против китайских сил сопротивления. Опыт оказался неудачным, взрыв практически уничтожил бактерии, что привело к незначительным жертвам (в каждом случае умерло не более 100 человек) [3]. Аналогичные опыты проводились в Германии (в большей мере, в части предотвращения возможных заболеваний) и в США.

Биологическое оружие относится к оружию массового поражения (ОМП). Расчеты ВОЗ показывают, что распыление аэрозоля со спорами сибирской язвы объемом 50 г в населенном пункте с численностью 500 тыс. жителей приведет к гибели 200 тыс. человек⁶.

² Obi O.A. Biodefense as a Response to Bioterrorism: An Enquiry // Academia. — URL: https://www.academia.edu/39744270/Biodefense_as_a_Response_to_Bioterrorism_An_Enquiry (дата обращения: 17.05.2021).

³ Biosecurity Memos to the Obama Administration // The Johns Hopkins Center for Health Security. — URL: <https://www.centerforhealthsecurity.org/our-work/publications/biosecurity-memos-to-the-obama-administration>. (дата обращения: 17.05.2021).

⁴ Biosecurity Act 1993 // New Zealand Legislation. — URL: <https://legislation.govt.nz/act/public/1993/0095/latest/whole.html> (дата обращения: 17.05.2021).

⁵ Biosecurity Act 2015 // Australian Government. — URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2020C00127> (дата обращения: 17.05.2021).

⁶ World Health Organization Health aspects of chemical and biological weapons: report of a WHO group of consultants 1970 WHO Geneva 98 // World Health Organization. — URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/39444/24039.pdf> (дата обращения: 17.05.2021).

Наибольшую опасность представляют технологии двойного назначения. Государства-изгои могут проводить скрытые эксперименты, публично озвучивая необходимость борьбы с инфекционными заболеваниями (параллельно разрабатывая патогены для военного или террористического нападения). Дополнительно: биологическая атака будет заметна спустя некоторое время, когда патоген получит свое распространение, пройдет также инкубационный период. Первыми, кто заметит негативные последствия, будут медицинские работники, а не специальные службы (полиция, военные и др.). Иная последовательность присутствует в иных атаках. Затрудняется также и первичное выявление признаков нападения по следующим причинам:

- непредсказуемость целей террористических нападений;
- невозможность немедленного выявления вспышки из общего источника в силу латентного периода после заражения (это повлечет обращение за медицинской помощью в разных местах, разное время, что актуализирует обмен данными в условиях реального времени). Например, заболевший сибирской язвой обращается за помощью в среднем только через три дня после заражения. Инкубационный период оспы составляет 10–12 дней;

- отсутствие яркой специфики первых симптомов заболеваний (многие опасные заболевания на первой стадии имеют схожую симптоматику с обычными распространенными заболеваниями). Первые симптомы легочной сибирской язвы схожи с простудными заболеваниями (лихорадка, кашель, озноб);

- большинство заболеваний, потенциально задействованных в террористической деятельности, имеют редкое распространение в клинической практике, что предполагает отсутствие опыта у медицинского персонала в распознавании и лечении заболеваний;

- патогены могут подвергаться лабораторным манипуляциям, что может изменять клиническую картину заболевания (такие данные есть по сибирской язве) [4].

В указанном аспекте особое значение приобретают обязанности пациента, поскольку от ответственного поведения каждого гражданина зависит состояние общественного здравоохранения. При этом происходит конфликт с пониманием свободы, а также появляется угроза правам человека в силу возможного диктата со стороны работников здравоохранения [5; 6].

Коммуникации и терроризм породили такое специфическое явление, как кибертерроризм. Его масштабы могут иметь катастрофический характер в силу нашей зависимости от телекоммуникационных сетей. Принципы коммуникаций связаны с крупнейшими информационными потоками, получившими в XXI в. свою максимальную капитализацию. Приведем только небольшие примеры. Всем известна компания «Uber Technologies Inc.», машины такси которой колесят по всем городам и нашей страны. При этом ни одна из машин не находится в собственности компании, она лишь агрегатор информации – посредник между заказчиком услуги и водителем. Чистая прибыль «Uber Technologies Inc.» в 2018 г. составила около \$2 млрд США. Общая капитализация данной компании более \$104 млрд США. Приведу еще один пример (для сравнения): капитализация нашего публичного акционерного общества «Газпром», имеющего огромные материальные активы, – лишь около \$70 млрд США. Пример поразителен. Компания, реализующая продукцию, имеющая в собственности значительное число объектов недвижимости (можно еще много перечислять), имеет капитализацию меньше, чем фирма – агрегатор информации.

Теория «цифрового Перл-Харбора» неоднократно описывалась в различных зарубежных исследованиях (впервые это произошло в 1995 г., но уже тогда предлагался негативный прогноз [7]). По-видимому, слабое представление реальности ситуации создавало апокалипсические прогнозы и спекуляции, пока Г. Вейманн

в 2004 г. не представил пошаговый сценарий⁷. С этого момента экспертные оценки стали различаться [8]. Например, Р. Кнайк призывает к сдержанности при оценке опасности кибертерроризма⁸, но в 2015 г. поддерживает идею ответственности государства, с чьей территории зафиксированы вредоносные кибератаки. Здесь нет объективного вменения. Логика основывается на том, что государство должно устанавливать такой правовой режим, который бы минимизировал свободу преступных трафиков, а провайдеры ставились в такое положение, чтобы они сами отслеживали и закрывали доступы к ним. Необходима ремарка, что именно США являются основным держателем компьютерных сетей (и облачных сервисов). На эту страну приходится большинство серверов управления ботнетом – 21 % (для сравнения – на Россию и Китай, вместе взятые, только 5 %).⁹

Преступные группировки активно осваивают цифровые возможности, понимая, что с помощью интернет-технологий можно зарабатывать гораздо больше, чем при продаже наркотиков (к тому же здесь не требуется создание обширной инфраструктуры). 7 мая 2021 г. хакерская атака с помощью вируса-вымогателя на оператора трубопроводов «Colonial Pipeline» показала, что приостановка деятельности одной компании может оказать влияние не только на поставки нефтепродуктов в отдельную часть США (например, 65 % заправочных станций в штате Северная Каролина временно прекратили отпуск топлива¹⁰), но и на мировые цены на нефть. К тому же в СМИ появилась информация, что «Colonial Pipeline» заплатила \$5 млн в криптовалюте за восстановление работы компьютерной системы.

Подобные преступления привели к созданию целевой группы по программам-вымогателям (Ransomware Task Force – RTF), созданной на базе Института безопасности и технологий, в которую входят и субъекты предпринимательской деятельности (как например, компании Amazon Web Services, McAfee, Microsoft), и правоохранительные органы (ФБР, Национальное агентство по борьбе с преступностью Великобритании и др.), и иные органы государственной власти¹¹. Цель RTF – разработка эффективного плана по борьбе с глобальной угрозой программ-вымогателей путем их сдерживания и борьбы с лицами, их распространяющими, а также помощь различным организациям для создания системы реагирования на заявленные угрозы. RTF представляет специальные отчеты, адресованные органам государственной власти, включающие в себя пошаговые действия по минимизации вреда от атак программ-вымогателей¹².

Обратим внимание на союз государственных органов и институтов гражданского общества, что значительно усиливает потенциал созданной группы. Указанную практику следует воспринять и в нашей стране. С учетом того, что у нас есть достойные бизнес-структуры, как Яндекс, Лаборатория Касперского и другие.

Цифровые технологии используются для осуществления социального манипулирования, в понимании которого выделяют два подхода – психологический и социологический: «В рамках первого подхода манипулирование рассматривается

⁷ Weimann G. Cyberterrorism: How Real Is the Threat? // United States Institute of Peace Special Report. — URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr119.pdf> (дата обращения: 17.05.2021).

⁸ Knake Robert K. Cyberterrorism Hype v. Fact // The Council on Foreign Relations. — URL: <https://www.cfr.org/expert-brief/cyberterrorism-hype-v-fact> (дата обращения: 17.05.2021).

⁹ Knake Robert K. Cleaning Up U.S. Cyberspace // The Council on Foreign Relations. — URL: https://cfrd8-files.cfr.org/sites/default/files/pdf/2015/12/Cleaning_Up_CyberBrief.pdf (дата обращения: 17.05.2021).

¹⁰ Englund W., Nakashima E. Panic buying strikes Southeastern United States as shuttered pipeline resumes operations // The Washington post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/business/2021/05/12/gas-shortage-colonial-pipeline-live-updates/> (дата обращения: 17.05.2021).

¹¹ Ransomware Task Force (RTF). Releases Comprehensive Framework to Combat Ransomware // IST. — URL: <https://securityandtechnology.org/ransomwaretaskforce/> (дата обращения: 17.05.2021).

¹² Lucy P. Ransomware Taskforce (RTF) announce framework to combat ransomware // The National Cyber Security Centre. — URL: <https://www.ncsc.gov.uk/blog-post/ransomware-taskforce-rtf-announce-framework-to-combat-ransomware> (дата обращения: 17.05.2021).

скорее как способ влияния на сознание манипулируемого объекта с последующим изменением его сознания, в рамках второго подхода – социологического – манипулирование рассматривается как социальное явление» [9, с. 107]. Напомним, только недавно в СМИ обсуждалась социальная игра «Синий кит», созданная по типу альтернативной реальности, где главная цель – подчинение сознания несовершеннолетнего, а затем склонение к акту суицида. Только после нескольких публикаций о появлении «эпидемии» самоубийств среди несовершеннолетних были возбуждены уголовные дела. В результате были выявлены модераторы игры, которые в последующем осуждены к реальным срокам лишения свободы.

Следует согласиться с А. Е. Щегловитовым: «зачатки манипулятивных коммуникаций существовали еще в древности, в частности в методах управления, распространенных в Древней Греции и Древнем Риме, однако впервые манипулятивные аспекты массовой коммуникации в науке были рассмотрены в рамках психологических теорий Г. Тарда и Г. Лебона. Эти теории, в которых коммуникация представлена как однонаправленное информационное воздействие на психику и поведение масс, оказали серьезное влияние на появление множества современных трудов, посвященных феномену манипулирования» [10, с. 124]. Однако в манипулировании важную роль играет иной аспект – психологическое воздействие осуществляется с помощью искажения информации [11], создания искусственного фона восприятия социальных действий и событий.

Серьезные опасения вызывает распространение искусственного интеллекта. В ряде научных публикаций высказано предложение о наделении его правосубъектностью. Несмотря на революционность идеи, предпосылки к расширению числа субъектов права последовательно формируются. Во многих странах происходит распространение основных прав и свобод (то, за что боролось не одно поколение человечества) на животных [12]. Такому подходу представлены различные основания. Например, ст. 72 Конституции Эквадора предусматривает: *La naturaleza tiene derecho a la restauración* («Природа имеет право на восстановление»). Продолжением такого предписания выступает гипотеза о наличии и иных прав у природы. К тому же закрепление прав и предполагает наличие правосубъектности. Некоторые ученые продвигаются дальше, выдвигая концепцию наличия прав у элементов природы. Так, представлена модель зоополиса, где животные не просто объект защиты, а обладатели ряда прав, включая политические [13].

В 2017 г. андроидный робот Фрэн Пеппер (производитель – японская компания SoftBank) был включен в реестр населения бельгийского города Хассельт. Супружеской паре, купившей робота из Японии, выданы такие же документы как при усыновлении¹³. Администрация обосновала такой шаг значимостью современных технологий. В настоящее время робот используется в гостиницах, супермаркетах, аэропортах для оказания небольших (чаще информационных) услуг. Стоимость в России такого робота около 2 миллионов рублей. В Саудовской Аравии человекоподобный робот София получила гражданство [14].

Биомедицина основана на достижениях в области молекулярной биологии, генетики и искусственных биологических систем. Новостная лента в январе 2021 г. ознакомила с разработкой, созданной в Южной Корее, – чипом, внедряемым в мозг человека для создания определенных эмоций. Основное предназначение – лечение больных наркоманией, отслеживание их психоэмоционального состояния и купирование процессов мозговой активности, обуславливающих наркотическую зависимость. Прибор оборудован бесконтактной подзарядкой. Ученые Стэнфордского университета (США) создали искусственный интеллект, который может интерпретировать сигналы мозга человека, представляющего, как он ручкой пишет различные слова, и переводить их в текст. По замыслу разработчиков такая система

¹³ Бельгии семья реально усыновила робота Pepper // RoboticsUA : сайт. — URL: https://robotics.ua/news/business/5935-belgiya_semya_usynovila_robota_pepper (дата обращения: 27.04.2021).

может использоваться парализованными людьми: с ее помощью они смогут набирать тексты¹⁴.

Подобные исследования имеют благую цель – помочь людям, в первую очередь, попавшим в трудное положение в связи с наличием тяжелого заболевания. Виден спектр оказания специализированной медицинской помощи: инсульт, неврологические расстройства, наркомания и др. Одновременно можно увидеть и «двойное назначение». Внедрение чипов в головной мозг может осуществляться для раздвижения границ возможностей человека. Обсуждаются возможные способы приобретения навыков по использованию иностранных языков, получения профессиональных компетенций, внедрения большого объема данных. Успешное овладение технологией «чипизации» приведет к масштабным дискриминационным рискам. Во-первых, ещё больше углубится социальное неравенство. Не каждый сможет позволить себе такой «апгрейд» головного мозга. Даже при удешевлении операции и комплектующих (что вполне вероятно) произойдёт расслоение по типам новых возможностей. Человечество вряд ли способно до конца осмыслить последствия такого прорыва в изменении человеческой природы. Во-вторых, география распределения чипов может иметь глобальные последствия для дискриминации не между отдельными гражданами, а странами. Некоторые государства будут находиться в зоне риска, не имея возможности представить собственным гражданам доступ к современным достижениям биоинформатики. Будем также честны: не ясны возможности психологической адаптации к подобным улучшениям и превращению человека в придаток машины. Необходимо осознать, что на этом пути человек превращается в киборга – кибернетический организм, совмещающего в себе биологические и технологические начала.

В представленной логике находятся геномные технологии. Новое дыхание получила евгеника. Если ранее многие «рецепты» улучшения человеческой природы не основывались на научных достижениях (в большей мере, были плодом фантастических размышлений), то сейчас CRISPR/Cas9 произвела революцию. Благодаря ей можно проводить манипуляции с геномом человека. И первый опыт уже есть: китайский ученый Хэ Цзянькуй создал ГМО-эмбрион человека. Как результат: родился первый ГМО-человек, что вызвало первоначальное всеобщее осуждение (на родине это привело к реальному сроку лишения свободы¹⁵), но впоследствии такой же всеобщий интерес.

Подведем итог. Окружающий мир меняется. Вместе с ним меняется и человек. Однако если ранее подобный процесс происходил плавно, не затрагивая биологическую природу *Homo sapiens*, то сейчас можно наблюдать такое последовательное переформатирование принципов общественного устройства, которое вторгается в глубинные сферы нашей человеческой жизни. Всё большую актуальность приобретает известная поговорка М. Маклюэна: «Сначала мы создаем инструменты, затем инструменты создают нас». Юриспруденция пока не готова к формированию чёткого ответа на вызовы современности, что предопределяет активизацию научного поиска, нацеленного на выявление рисков, разработку вариантов развития ситуации, формирование предложений по принятию тех или иных нормативных актов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Противодействие биотерроризму: политические, технические и правовые аспекты / А. Г. Арбатов, С. К. Завриев, А.В. Колесников, А. А. Пикаев; под ред. А. Г. Арбатова. — Москва : Московский центр Карнеги, 2008. — 108 с.

¹⁴ Рождественская Я. Искусственный интеллект читает мысли // Коммерсантъ. — 2021. — 16 мая. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4814810> (дата обращения: 17.05.2021).

¹⁵ Yangfei Z. He Jiankui gets 3 years for illegal human embryo gene-editing / China Daily. — URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201912/30/WS5e098549a310cf3e35581783.html> (дата обращения: 17.05.2021).

2. Frischknecht F. Biological Warfare: From History to Current Affairs / F. Frischknecht // John Wiley & Sons. — 2014. — Jan 15. — pp. 1–9 (in English). DOI: 10.1002/9780470015902.a0003290.pub3.

3. Концептуальные основы биологической безопасности. Часть I / Г. Г. Онищенко, В. Ю. Смоленский, Е. Б. Ежлова [и др.] // Вестник Российской академии медицинских наук. — 2013. — № 10. — С. 4–13.

4. Artenstein A. W. Bioterrorism and Biodefense / A. W. Artenstein // Infectious Diseases. — 2017. — Vol. 1. — pp. 670–679.

5. Романовская О. В. Обязанности граждан в сфере охраны здоровья: соблюдение режима лечения / О. В. Романовская // Правовые вопросы в здравоохранении. — 2016. — № 1. — С. 62–73.

6. Романовская О. В. Обязанности граждан в сфере охраны здоровья: соблюдение правил поведения в медицинских организациях / О. В. Романовская // Правовые вопросы в здравоохранении. — 2016. — № 2. — С. 70–78.

7. Lewis J. Cyber terror: Missing in action / J. Lewis // Knowledge, Technology & Policy. — 2003. — Vol. 16. Issue 2. — pp. 34–41.

8. Weimann G. Cyberterrorism: The Sum of All Fears? / G. Weimann // Studies in Conflict & Terrorism. — 2005. — no. 28. — pp. 129–149.

9. Сергеева З. Н. К вопросу об экспликации содержания понятия «социальное манипулирование» / З. Н. Сергеева // Идеи и идеалы. — 2010. — Т. 2, № 2(4). — С. 107–115.

10. Щегловитов А. Е. Феномен манипулирования и информационное влияние в политическом управлении / А. Е. Щегловитов // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2013. — № 3. — С. 123–127.

11. Денисов М. А. Проблема определения термина «манипулирование» в работах российских исследователей / М. А. Денисов, Н. В. Хорошева // Политическая лингвистика. — 2015. — № 2. — С. 94–101.

12. Романовский Г. Б. Конституционная правосубъектность граждан и современные биотехнологии / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская // Вопросы правоповедения. — 2013. — № 2 (18). — С. 309–333.

13. Donaldson S., Kymlicka W. Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights. / S. Donaldson, W. Kymlicka. — Oxford: Oxford UP. 2011. — 352 p.

14. Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики / В. А. Вайпан // Право и экономика. — 2017. — № 11. — С. 5–18.

REFERENCES

1. Arbatov A. G., Zavriev S. K., Kolesnikov A.V., Pikaev A. A. *Protivodeistvie bioterrorizmu: politicheskie, tekhnicheskie i pravovye aspekty* [Combating Bioterrorism: Political, Technical and Legal Aspects]. Moscow, Moskovskii tsentr Karnegi Publ., 2008, 108 p.

2. Frischknecht F. Biological Warfare: From History to Current Affairs. *John Wiley & Sons*, 2014, pp. 1–9 (in English). DOI: 10.1002/9780470015902.a0003290.pub3.

3. Onishchenko G. G., Smolenskii V. Iu., Ezhlova E. B. and others. Conceptual Framework for Biological Safety. Part I. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Meditsinskikh Nauk = Annals of the Russian Academy of Medical Sciences*, 2013, vol. 68, no. 10, pp. 4–13 (in Russian).

4. Artenstein A. W. Bioterrorism and Biodefense. *Infectious Diseases*, 2017, vol.1, pp. 670–679 (in English).

5. Romanovskaia O. V. Duties of Citizens in the Field of Health Protection: Compliance with the Treatment Regime. *Pravovye voprosy v zdravookhraneniі = Legal Issues in Healthcare*, 2016, no. 1, pp. 62–73 (in Russian).

6. Romanovskaia O. V. Duties of Citizens in the Field of Health Protection: Compliance with the Rules of Conduct in Medical Organizations. *Pravovye voprosy v zdravookhraneniі = Legal Issues in Healthcare*, 2016, no. 2, pp. 70–78 (in Russian).

7. Lewis J. Cyber terror: Missing in action. *Knowledge, Technology & Policy*, 2003, vol. 16, issue 2, pp. 34–41 (in English).

8. Weimann G. Cyberterrorism: The Sum of All Fears? *Studies in Conflict & Terrorism*, 2005, no. 28, pp. 129–149 (in English).

9. Sergeeva Z. N. On the issue of exploiting the content of the concept of "social manipulation". *Ideі i idealy = Ideas and Ideals*, 2010, vol. 2, no. 2(4), pp. 107–115 (in Russian).

10. Shcheglovitov A. E. The Phenomenon of Manipulation and Informational Influence in the Political Governance. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki = Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 2013, no. 3, pp. 123-127 (in Russian).

11. Denisov M. A., Khorosheva N. V. The Problem of Definition of the Term «Manipulation» in the Works of Russian Scholars. *Politicheskaja lingvistika = Political Linguistics*, 2015, no. 2, pp. 94-101 (in Russian).

12. Romanovskii G. B., Romanovskaia O. V. Constitutional Legal Personality of Citizens and Modern Biotechnologies. *Voprosy pravovedeniia = Jurisprudence questions*, 2013, no. 2, pp. 309-333 (in Russian).

13. Donaldson S., Kymlicka W. *Zoopolis: A Political Theory of Animal Rights*. Oxford, Oxford UP, 2011, 352 p.

14. Vaipan V. A. Legal Basis for the Digital Economy. *Pravo i ekonomika = Law and Economic*, 2017, no. 11, pp. 5-18 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романовский Георгий Борисович — заведующий кафедрой уголовного права юридического института Пензенского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, 440026, г. Пенза, ул. Красная 40, Российская Федерация; e-mail: vlad93@sura.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanovsky Georgy B. — Head, Department of Criminal Law, Institute of Law, Penza State University, Doctor of Law, Professor, 40 Krasnaya Street, Penza, 440026, the Russian Federation; e-mail: vlad93@sura.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Романовский Г. Б. Право, общество, государство в эпоху развития глобальных угроз / Г. Б. Романовский // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2021. — Т. 9, № 2 (34). — С. 59–67. — URL: <http://esj.pnzgu.ru>. — DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-2-7.

FOR CITATION

Romanovsky G. B. Law, Society, State in the Era of Development of Global Threats. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 59-67, available at: <http://esj.pnzgu.ru>. DOI: 10.21685/2307-9525-2021-9-2-7. (In Russian).